

КОРОТКО О НОВЫХ КНИГАХ

«Ибо только дела и возможны...» (рецензия на книгу: Расков Д. Е. **Экономические институты старообрядчества**. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. — 344 с.)

Интерес к этическим аспектам хозяйственной деятельности возрастает каждый раз, когда случается очередной экономический кризис. Не стала исключением и нынешняя затяжная депрессия. Едва только проявились первые признаки кризиса, как в обществе заговорили о необходимости введения этических ограничений на некоторые виды предпринимательской деятельности. Увеличилось количество публикаций, посвященных вопросам этики бизнеса в разных религиях. Опубликованные за последнее время в России работы можно разделить на две группы: 1) научные исследования, в которых критично излагаются вопросы взаимодействия экономики и религии [1–2], и 2) откровенно апологетические книги, пропагандирующие применимость и универсальность этических принципов отдельно взятой религиозной системы при отсутствии какой-либо доказательной базы (см., напр. [3–4]). Рецензируя работа Д. Е. Раскова «Экономические институты старообрядчества» относится, безусловно, к первой группе.

Данное исследование заслуживает особого внимания не только и не столько благодаря анализу этических принципов хозяйствования, принятых в среде старообрядцев. Используя междисциплинарный подход, автор стремился показать старообрядческое предпринимательство в контексте экономической истории, а также дать интерпретацию данному явлению с точки зрения экономической социологии и институциональной экономической теории (с. 13–14).

Иными словами, автор анализирует этические воззрения представителей русского староверия и демонстрирует, как эти этические принципы были реализованы на практике. Не случайно поэтому исторические рамки исследования охватывают период с конца XVIII до начала XX в., а в центре внимания оказывается XIX столетие. Именно этот период ознаменовался бурным ростом текстильной промышленности, где значительную роль играли купцы-старообрядцы. В первой главе книги «**Роль старообрядцев в экономике России**» подробно рассматривается участие староверов в развитии промышленности и торговли трех регионов: Московской и Новгородской губерний, а также имперской столицы — Санкт-Петербурга. Экономический успех старообрядцев автор объясняет в первую очередь доступом к дешевой рабочей силе (возможность найма единоверцев в условиях капиталистического строя) и к финансам (денежным средствам общины) (с. 115–116).

Создание и функционирование эффективной системы старообрядческого предпринимательства стали возможны благодаря этическим принципам, за соблюдением которых следили не только наставники и попечители общины, но и рядовые члены. Об этом, в частности, свидетельствуют дискуссии о допустимости взимания судебного процента, по вопросу владения собственностью и др. Как показывает Д. Е. Расков, благодаря высокому уровню грамотности у староверов среди рядовых членов общины было немало людей, принимавших активное участие в экономических спорах.

Чрезвычайно важно, что этика старообрядчества предстает в книге Раскова (во второй главе «**Хозяйственная этика старообрядчества**») не как набор законсервированных положений, а в виде правил, которые

подвержены изменениям под воздействием разного рода обстоятельств. Это проявляется, в частности, в дискуссии о допустимости взимания ссудного процента.

Известно, что в Библии существует запрет на лихву, под которой первоначально понимался любой ссудный процент. В этом смысле представляет интерес спор о ссудном проценте внутри двух крупных общин Москвы: преображенской общины федосеевцев¹ и рогожской общины поповцев².

В эпоху Александра I, когда в отношении староверов было ослаблено преследование, появились два документа, представлявшие собой проекты устава общины федосеевцев. Первый документ («План учреждения Преображенского Богаделенного дома») выражал интересы зажиточных представителей общины. «План...» допускал возможность предоставления в кредит денежных средств лицам не из числа староверов. Узнав о существовании «Плана...», рядовые члены общины вмешались, и в результате была составлена пространный редакция, которая снимала остроту вопроса о ссудном проценте³. Допускалась беспроцентная и даже безвозвратная ссуда только членам общины.

Во втором документе (««Пунктах» Устава Преображенского дома федосеевцев...») в большей степени, чем в «Плане...», нашли отражение интересы рядовых членов общины, получавших возможность доступа к денежным средствам. «Пункты...» поставили под жесткий контроль распоряжение попечителями общины излишками денежных средств.

¹ Федосеевцы — беспоповское согласие в старообрядчестве. Проповедовали безбрачие, ссылаясь на то, что наступило царство антихриста. Отказывались молиться за царя и от любых контактов с государством. С 1771 г. духовным центром федосеевской общины становится Преображенское кладбище в Москве.

² Поповцы — общее название для различных согласий в старообрядчестве, признающих священство. Изначально существовала преимущественно форма беглопоповства, при которой богослужение справляли перекрестившиеся священники, отпавшие от официальной церкви.

³ ««Пункты» Устава Преображенского дома федосеевцев, 1809 г.» приведены в виде приложения к книге Д. Е. Раскова на с. 282–293.

По-иному обстояло дело с использованием капиталов в общине поповцев при Рогожском кладбище. Здесь практика передачи денег в рост была закреплена во внутренних документах общины. При этом выдача капиталов под проценты оправдывалась целями укрепления общины (подробнее см. с. 183–186).

Однако, несмотря на то что вопрос о запрете ссудного процента был зафиксирован в документах общин, его нельзя было считать решенным раз и навсегда. Меняющиеся условия жизни регулярно актуализировали его для членов общины. Это касалось не только передачи денег в рост, но и участия в экономической деятельности в целом. Сам факт активности староверов в миру на первый взгляд, вступает в диссонанс с эсхатологическими ожиданиями конца света, составлявшими часть мировоззрения старообрядцев. Расков объясняет это противоречие следующим образом: «Эсхатология актуализировала сознание, делала субъект более ответственным за свои действия и поступки. Борьба за чистоту, за сохранение первоначальной истины давала дополнительные силы, вела к внутреннему деланию. С одной стороны, оно воплощалось в типиконе литургии, в переписывании книг, в правильной христианской жизни, в полном отречении от мира. С другой — и эта линия раскрылась не менее полно — в преобразовании этого мира, в трудовых сверхусилиях, в максимальном сохранении и распространении учения и стиля жизни. Эсхатология у старообрядцев сочеталась с активной жизненной позицией: большим трудолюбием, дисциплинированностью и методичностью» (с. 212).

Здесь возникает параллель с кальвинизмом, в котором доктрина о безусловном предопределении также не только не мешала, но и, напротив, способствовала вовлечению представителей данного течения в протестантизме в экономическую деятельность. Расков указывает на различия причин, породивших протестантскую и русскую модель капитализма, в основе которой лежали принципы старообрядчества. Согласно М. Веберу, напряженный поиск своей избранности, в том числе в хозяйственных делах, послужил причиной успешности кальвинистов в экономической деятельности. Что касается старообрядцев, то здесь, по мнению Раскова, «спусковым крючком» для раскрытия социального потенциала

послужила в первую очередь сотериология — учение об искуплении и спасении человека (с. 213). Г. Флоровский, работа которого цитируется Д. Е. Расковым, пишет: «Все становится в зависимость от дел, ибо только дела и возможны. Отсюда эта неожиданная активность раскола в мирских делах, эта истовость в быту...» [5, с. 315].

Продолжая анализировать применимость концепции Вебера к ситуации с развитием капитализма в России на ранней его стадии, Расков совершенно справедливо предостерегает от механического перенесения ее положений на российскую почву. Слишком различны были исторические и иные условия, в которых формировался дух западного капитализма и дух капитализма русского. Последний, так и не успев зародиться в середине XIX в., на излете эпохи крепостничества канул в Лету, уступив место современному капитализму — порождению иудео-христианской цивилизации Запада.

Поискам ответа на вопрос, почему это произошло, посвящена третья, заключительная глава книги «**Старообрядчество и эволюция экономических институтов**». Ответ оказывается невероятно прост: «По мере развития и роста экономики, нарастания “обезличенного” космоса капиталистических отношений значение групп предпринимателей, объединенных одной религиозной этикой, падает. Правовое регулирование вытесняет этическое» (с. 229).

Иными словами, основанная на этических принципах хозяйственная деятельность обречена, по мере роста капиталистических отношений, на постепенное умирание. Со второй половины 1850-х годов наступила эпоха безудержных алчности и обогащения, когда даже великие писатели стали играть на бирже, следить за курсом акций, вкладываться в разные сомнительные «проекты» (подробнее об этом см. интересное исследование [6]). Либеральные реформы Александра II сыграли злую шутку с русским капитализмом. Рынок страны заполнили стяжатели и авантюристы всех мастей, ярко описанные другим выдающимся немецким исследователем — антагонистом М. Вебера — В. Зомбартом. В такой ситуации даже максимально предельная гибкость в интерпретации отдельных положений, касающихся экономической деятельности, уже не могла прийти на помощь староверам. Нужно

было либо поступаться принципами, либо сдерживать развитие собственного дела.

Положения этики старообрядцев постепенно утратили свою актуальность для самих ревнителей старой веры. Первыми приход новых времен почувствовали некоторые купцы. Понимая, что община скорее сковывает их, чем помогает, они записывались в другие, более либеральные направления староверия (например, в поповство), в единоверие⁴ и даже в православие: «Если в условиях крепостного права и неразвитости рыночных отношений нормы, сложившиеся в общинах староверов, помогали формированию новых институтов в промышленности и торговле, то в обстоятельствах конца XIX в. эти же нормы становятся препятствием для дальнейшей экспансии» (с. 264).

Обретенные в начале XX столетия религиозные свободы уже не могли ничего изменить в судьбах русского капитализма, отбросившего национально-религиозную основу и развивавшегося по заморским образцам. Период с 1905 по 1917 г. считается золотым веком старообрядчества. После провозглашения Высочайшего манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» у староверов впервые, начиная с раскола, появилась возможность беспрепятственно исповедовать свою веру. Казалось бы, вот она возможность реализовать и возродить принципы деловой этики, не таясь! Но сами староверы были уже не те. Контролируемый старообрядцами бизнес в России к тому времени был представлен по преимуществу поповцами, чьи этические принципы были, как видно из исследования Раскова, размыты еще в предыдущем столетии. Справедливость утверждения Раскова о том, что «рост богатства приводит к неутешительному результату: эффективность правил снижается» (с. 219) можно наблюдать и на примере различных общин беспоповцев.

Стоит ли говорить, что в Новейшее время после распада Советского Союза едва ли кто-то всерьез задумывался о применении прин-

⁴ Единоверие — направление в старообрядчестве. Возникло в среде поповцев. Окончательно оформилось в 1801 г. Признав верховенство официальной церкви, последователи единоверия получили право соблюдать свои обряды и совершать богослужения и таинства по дореформенным книгам.

ципов ведения хозяйства из арсенала ревнителей старой веры. В наши дни этика старообрядцев привлекает к себе лишь внимание историков. В России пару десятилетий назад вновь утвердилась та модель капитализма, с которой страна уже столкнулась в середине XIX в.

Все это, впрочем, не означает, что нужно опустить руки и смириться с неизбежным. Современный русский капитализм не соответствует представлениям о справедливости всех традиционных для России религий. А это значит, что нужно продолжать искать альтернативную модель. Достойная задача для современных экономистов, погрязших в мелкотемье! Но и общество не должно оставаться в стороне, «ибо только дела и возможны...»

Литература

1. Христианство и ислам в экономике / под ред. М. А. Румянцева, Д. Е. Раскова. СПб., 2008.
2. Беккин Р. И. Исламская экономическая модель и современность. М., 2010.
3. Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном: хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 1. М., 2011.
4. Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном: хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 2. М., 2011.
5. Фроловский Г. Противоречия XVII века // Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М., 1996.
6. Карпи Г. Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы. М., 2012.

Р. И. Беккин, д-р экон. наук,
канд. юрид. наук, ведущий науч.
сотрудник Института Африки РАН;
e-mail: bekkin@mail.ru